

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ «ПЕРЕСБОРКА»
ПОЛИТИЧЕСКОГО***

К. Ф. Завершинский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается значение эпистемологии исследования политической культуры. По мнению автора, доминирование позитивистских исследовательских стратегий в работах, посвященных политико-культурной динамике общества, только частично отражает качественные изменения в современных политических коммуникациях. Дезинтеграция современных политических порядков в национальных сообществах, вариативность политических идеологий и структур управления актуализируют исследование антропологических аспектов политической культуры. Более перспективны исследовательские стратегии культурсоциологии, которые трактуют политическую культуру с позиций динамики символизации структур смысла. В этом случае политическая культура предстает как семантическое программирование коллективного политического опыта посредством символической типизации политических событий в пространстве и времени. Если концепт «политическая культура» в традиционном политологическом дискурсе политической науки позволял наблюдать динамику идеального в политических коммуникациях с позиций «рационального гражданина», то анализ идеального в политике посредством понятия «политическая память» позволяет отвечать на вопросы о том, как и каким образом идеальное имеет значение для прагматики политического существования. В рамках подобной стратегии исследования политической культуры принципиально изучение специфики базовых культур-антропологических форм политической солидарности. Исследование символизации пространственно-временных измерений политической памяти позволяет более адекватно отразить динамику современных политических коммуникаций. Важное направление исследования политической памяти современных обществ — изучение практик символизации политической повседневности, в которых решающую роль играет политический миф. Подчеркивается важность описания и теоретического анализа роли символических фигур политической памяти и символических практик их символизации. Используя теорию и методологию культурсоциологического анализа политической культуры как эпистемологическую основу, автор предлагает новый теоретический подход к изучению политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, эпистемология политической культуры, культурсоциология, политическая память, символические фигурации, символические практики, политическая мифологизация.

---

* В статье развивается, дополняется и уточняется теоретический подход автора к вопросам эпистемологических оснований исследования феномена политической культуры, представленный в работах, опубликованных в журнале «Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС», в период его работы на факультете политологии СПбГУ (Завершинский, 2012; 2015; 2016).

Политическая эпистемология — не способ избежать «осквернения» хорошей науки «грязными политическими соображениями», как и не способ помешать позитивистам скрываться за претензией на объективность.

(Латур, 2014, с. 348)

Суть борьбы за власть проявляется в соотношении «реальных вещей» и «неотложных вещей» с тем, что фактически создает смысл — с системами символов.

(Александрер, 2009, с. 72)

Введение. Дискуссии об эпистемологических основаниях исследования политической культуры достаточно регулярно возникали в науках о политике во второй половине XX столетия в связи дебатами по поводу значимости культуры в политическом процессе. В целом подобные дискуссии, начиная с периода «поведенческой революции» в политической науке, так или иначе констатируют, что, несмотря на проблематичность смысла и содержания концепта «политическая культура», это понятие важно в исследованиях политики¹. Обращаясь к теоретико-методологическим основаниям сравнительного анализа политических культур, авторы, как правило, объясняют периодические «реинкарнации» и «ренессансы» в предметной области исследований политической культуры ростом культурной дифференциации, стимулирующей разработку антропологических, позитивистских и конструктивистских способов описания политико-культурных феноменов. При этом ученые подчеркивают значимость и важность учета высокой степени независимости «культурных переменных» в сравнительных исследованиях политических культур и выступают за «здоровый» релятивизм в интерпретации политико-культурных универсалий и «методологический эклектизм». Нельзя позволять «хвосту» методологии исследования «вилять» вами, как метафорично заметил в связи с этим один из американских исследователей (Wiarda, 2014, p.92). В то же время в рамках подобных академических дебатов всегда обнаруживается и позитивистская интенция на познавательную ограниченность культурных переменных, которые объясняют «многое», но вне многофакторного, поливариантного анализа объективных процессов и конкретно-социологического анализа частных случаев и эмпирических измерений ведут к субъективизму.

Проблема преодоления онтологической амбивалентности и методологической эклектики в трактовке феномена политической культуры затрагивается во

---

¹ В статье не ставится задача представить еще один пространственный обзор теоретических подходов, школ исследования политической культуры. Этому посвящены многочисленные работы зарубежных и отечественных ученых, да и сам автор статьи, как уже отмечалось, отдал дань попытке критического обзора многообразных версий смысла и содержания концепта «политическая культура». Представляемая работа нацелена на артикуляцию эпистемологических оснований (когнитивных схем и практик) исследований политической культуры в политической науке, способных обеспечить их теоретическое «стягивание».

многих работах, нацеленных на систематизацию подходов в ее исследовании. Показательна позиция британского политолога, специализирующегося в изучении теории политической культуры (Welch, 2013), который выделяет в многообразии исследовательских стратегий политической культуры два магистральных подхода — позитивистский и интерпретативный, подчеркивая, что ограничения в результатах исследований политической культуры неизбежны в силу неразрешимости «онтологической дуальности» в понимании природы отношений культуры и политики. «Шумная» и «бесконечная» конкуренция этих подходов, как он полагает, проявляется либо в позитивистском поиске рационально объяснимых и эмпирически measurable причинно-следственных связей в идеальной составляющей политики, либо в отстаивании посылки об автономии, спонтанности процесса культурной символизации и оформления политико-культурных паттернов. Преодоление эпистемологических «дефектов» подобной «онтологической дуальности», несовместимости описания стабильного, статического и динамического в политической культуре упомянутый автор видит в смещении акцента на изучение *дискурсивных практик политического* в контексте эпистемологии анализа политико-культурных процессов Мишеля Фуко. Дискурсивные практики выступают связующим звеном онтологии «статического» и «динамического», а методология их исследования совмещает достоинства позитивистской и интерпретативной стратегий, как полагает британский ученый. Не подвергая сомнению продуктивность подобных социологических или политико-философских рефлексий для систематизации и критического анализа существующего многообразия подходов в исследовании политической культуры, нельзя не замечать, что они не проясняют природу нарастающей теоретической и методологической эклектики и способов ее преодоления в современных работах.

Критические замечания по поводу способов объяснения политико-культурных феноменов, высказанные авторитетными социологами и политологами на рубеже веков, не только не утратили актуальности, но и приобрели еще большую значимость на фоне усиливающегося замещения «дискурса политической культуры» многообразными концепциями политических коммуникаций, теориями политической идентичности, символической политики и исследованиями политики памяти, лавинообразно продуцирующими и декларирующими приоритетность «прикладных» исследований политико-культурных различий, не обремененных поисками объединяющей эпистемологии. На рубеже веков социолог П. Бурдье, анализируя природу жизненности теоретического фетишизма в социокультурных исследованиях и иронизируя по поводу того, что концепт культуры используется интеллектуалами как «почти неиссякаемый ящик» для «разных мелочей» (Бурдье, 1994, с. 50–57), еще сохранял убежденность в возможности разработки объединяющей, междисциплинарной теории культуры как символического пространства. Однако реалистичнее оказался эпистемологический пессимизм Н. Лумана по поводу концепта «культура». Немецкий социолог усматривал неизбежное снижение эпистемологического потенциала концепта культуры в реалиях современных коммуникаций, поскольку концепт культуры, оформившийся в «модерновом обществе» как способ описания социальной эволюции, стал «непостижим онтологически», так как все более «ло-

калится сам в себе» (Луман, 2005а, с. 208–210). Возникнув в XVIII в., этот концепт, как полагал немецкий социолог, не столько семантически затемняет или проясняет рационализацию при описании социального (и, в частности, политического) процесса, сколько выполняет иную задачу — обозначает семантические границы, «которые могут быть пересечены», приспособляя научные конструкции к условиям постоянно нарастающих различий стабильности и вариативности. Такое словоупотребление при характеристике современных коммуникаций обоснованно, если культура будет пониматься как динамичная форма *социальной памяти*, способ постоянного ее переструктурирования в реалиях общества, обладающего собственной динамикой (Луман, 2005b, с. 134), а не как относительно константный «резервуар» накопленных ценностей и идей.

Состояние эпистемологической эклектики политико-культурных исследований в современной российской политологии, по нашему мнению, актуализирует проблему «пересборки» (если использовать метафору разработчика оригинальной политической эпистемологии Бруно Латура) наших представлений о смысле и содержании концепта «политическая культура» и эпистемологических приоритетах в его изучении. Утрата дискурсивного потенциала традиционных способов интерпретации идеального содержания политики проявляется в росте количества мифоконструкций об эволюции политических институтов. Этот рост превышает «все допустимые пределы» и становится «серьезным препятствием для научных исследований» (Гуторов, 2014, с. 92). Как обоснованно подчеркивает петербургский социолог А. Дука, констатации многими внешними наблюдателями того, что политическая культура — «зонтичное понятие», явно недостаточно, так как применение любого научного концепта должно быть связано с общими основаниями, «которые необходимо иметь в виду, когда задумывается исследование», и «с решением поставленных задач» (Дука, 2006, с. 29).

Это можно рассматривать не только как симптом кризиса в представлениях о природе государства, но и как индикатор семантической деконструкции границ политического в условиях коммуникативных трансформаций политики, которые не поддаются адекватному описанию с помощью традиционного методологического инструментария. Актуально в связи с этим звучат и теоретические экспликации российского политолога М. В. Ильина о росте фрагментированности знаний о политике, что стимулирует умножение конгломерата исследований и «тематической нарезки», слабо связанных предметно и методологически с «большой политической наукой» и ориентирующих на изучение локальных феноменов или манипулятивных технологий как «кусочков жизни». Это свидетельствует о том, что в политологической среде современной России нет обоснованного согласия «ни о том, что же мы изучаем, ни о том, как этот общий предмет следует изучать сейчас, с опытом достижений и упущений, как наших собственных, так и поколений, оставивших нам свой задел». Подобное состояние, как полагает М. В. Ильин, чревато утратой научной идентичности и значимости политологических исследований. Выход он видит в процедуре очищения от ценностных оценок наших представлений того, что мы изучаем, и в стремлении увидеть смысл политики за прагматикой косвенных аспектов (Ильин, 2019). Посредством операции очищения отдельных специфических дискурсов

от фактуры и исследовательских приемов, связанных с субдисциплинарными, дисциплинарными и предметными контекстами, с точки зрения авторитетного представителя отечественной политической науки, можно «насытить предметностью» артикулированные формы, модели в процессе конкретных научных исследований. Подобные политические формы варьируются во времени и пространстве, поэтому принципиально дополнять пространственный анализ социальных форм политической деятельности темпоральным. Такая методологическая операционализация позволяет артикулировать смысловые формулы, коды и программы политики, которые можно назвать «памятью» и выявить тем самым потенциал политического развития (Ильин, 2015, с. 86), поскольку эта формула не только отражает то, «как осуществился некий политический процесс», но и сохраняет «то, что осуществилось» (Ильин, 2014, с. 160).

Подобные критические ремарки и теоретико-методологические установки выглядят достаточно актуальными по отношению к феноменам, которые номинируются политической культурой, поскольку именно этот концепт, по нашему мнению, является семантическим фокусом представлений о смысле и границах политического. Несмотря на умножение тематики исследований политико-культурных феноменов и многообразия частных методологий в данной предметной области, эти работы никак не связаны объединяющей политологической эпистемологией, способной консолидировать эмпирические практики анализа политико-культурных переменных, изучения особенностей структурирования семантических репрезентаций смысла политического. В связи со сказанным представляется принципиальным ответ на следующие вопросы: *на какие общие эпистемологические основания следует ориентироваться политологам в исследовании политико-культурных измерений политики; в чем специфика структурирования и оформления современной политико-культурной реальности; на основе каких теоретических моделей возможен анализ практик символических репрезентаций политической культуры.* При отсутствии ответов на эти вопросы невозможно понимание природы современных политических коммуникаций. Умножение различий и различений в политико-культурных исследованиях без поиска совместимости «эпистемологических режимов» исследования неизбежно порождает малопродуктивный «конфликт интерпретаций» или теоретические редукции, сводящие анализ культурных компонентов политики к описанию манипулятивных технологий контроля за поведением, что препятствует осмыслению новых феноменов в политико-коммуникативном процессе.

Эпистемологические измерения политической культуры. Как уже отмечалось, эвристичными для смены эпистемологических ориентиров в анализе политической культуры выглядят некоторые принципиальные гносеологические послылки социально-философского плана, представленные в работах Бруно Латура². Используя для объяснения проблем в существующей политической эпистемологии аллегорию Платона о пещере, он акцентирует внима-

---

² Мы не следуем буквально концепции акторно-сетевой концепции Б. Латура, теоретически ослабляя ее интенцию на артикуляцию связи «людей» и «нелюдей» в рамках акторно-сетевой теории общества как предмета политической экологии.

ние на проблеме «демократической» миссии научного познания, способного выступить посредником в противостоянии «реальности внешнего мира» и «ада социального», ставя под сомнение эпистемологическую универсальность доминирующей в науках об обществе установки на приоритет рационального и объективного познания социальной реальности (Латур, 2018, с. 18–27).

Политическая эпистемология — не способ избежать «осквернения» хорошей науки «грязными политическими соображениями», как и не способ помешать позитивистам «скрываться за претензией на объективность». Позитивизм в любой его форме (природной или социальной), как полагает Б. Латур, ошибочен не потому, что забыл о «человеческом сознании» и последовательно придерживается установки на объективные данные, а потому, что смешивает две задачи: «задачу достижения множественности и задачу объединения» («развертыванием ассоциаций и собиранием их в коллектив»), за что его справедливо критикуют «адвокаты герменевтической социологии» (Латур, 2014, с. 348, 351). Выход он видит в изменении концепции научных практик и концепции сетевого взаимодействия, которое он представляет как динамичное и многоуровневое многообразие конфигураций акторов и артефактов, замечая при этом, что «понятие культуры является артефактом, созданным путем вынесения природы за скобки», и частью процесса создания «человеческих, божественных и нечеловеческих существ» (Латур, 2006, с. 178–181). Используя эти социально-философские посылки, можно попытаться артикулировать эпистемологические приоритеты и исследовательские стратегии, преодолевающие дилеммы противостояния позитивизма и интерпретативных способов отображения политико-культурной действительности, способных объединить исследователей в предметной области политико-культурных феноменов.

На данный момент объединяющей «эпистемой» в политико-культурных исследованиях, по нашему мнению, выступают программные установки современной культуросоциологии (*cultural sociology*), развиваемые в работах Дж. Александера и его уже достаточно многочисленных последователей, оказавшие серьезное влияние на исследования политико-культурной реальности. Американский социолог подчеркивает, что большинство моделей в традиционной социологии культуры страдают фундаментальными изъянами в силу того, что в них культура не выступает независимой переменной, а является производной от более «жестких» переменных социальных структур (Alexander, 2005; 2008). При таком подходе, при всех оговорках об относительной автономии культуры, концепт «культура» рассматривается как «мягкая», «малозначимая» или «амбивалентная» переменная, что не позволяет осуществить аналитическое различение когнитивного содержания и реальной детерминации, необходимого для «сильной программы» (*strong program*) социологических исследований культуры, позволяющей выявить многоаспектность воздействия культуры на формирование социальной жизни. В случае «сильной программы» приоритетной стратегией изучения культуры и создания ее теоретических моделей можно считать когнитивный анализ, позволяющий осуществить описание кодов, нарративов и символов, формирующих сети культурных смыслов, в отличие от «слабых программ», где описания ценностей, норм, идеологий

в социологии культуры производны от институционального строя. Для позиции «незаинтересованного» наблюдения нередко характерна абсолютизация способности исследователя абстрагироваться, отрешиться от идеологической конъюнктуры и «ложности мнений» повседневности. Подобная установка, как полагает Д. Александер, достаточно уязвима не только в аспекте очевидной приверженности прогрессистским или консервативным схемам трактовки природы опыта рационального познания, но и в связи с тем, что она не учитывает важность комплементарности макро- и микроуровня анализа, совершая ошибки натурализма (*naturalistic fallacy*) в трактовке фактической действительности тех или иных событий или политических решений, которые признаются значимыми (Александер, 2012, с. 16).

Сторонники культурно ориентированной эпистемологии, выступающие за «сильную программу» политико-культурных исследований, где культура рассматривается как независимая переменная, акцентируют внимание на том, что социальные явления, которые в обществе именуются фактами, действительны «не благодаря их фактической вредности или объективной резкости» (Александер, 2012, с. 17). Они зависят от того, как их воспринимают, и от степени эффекта их влияния на коллективную идентичность. Потребность в «сильной программе» теории «политической культуры» предполагает смену приоритетов в исследовательских стратегиях: переход от поиска объективных или субъективных оснований культурного процесса к пониманию символической природы социальных феноменов и снятию дихотомии объективного и субъективного в политико-культурных исследованиях (Alexander, 2006b).

Подобная посылка весьма значима по отношению к политико-культурной деятельности современных политических акторов, поскольку их символическая политика чаще всего сопряжена с интерпретацией событий травматического рода или попытками представить факты как свидетельство травмирующих обстоятельств. При анализе политико-культурной активности современных акторов важнее не учитывать «фактичность» их заявлений или нравственных оправданий, а исследовать, «при каких условиях делаются эти заявления и к каким они приводят результатам» (Александер, 2012, с. 17). Важна не «истинная» онтология и этика познавательного процесса, а «эпистемология смысла» и символической политики. «Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе». Фактические события — «это одно дело, а репрезентация этих событий — совсем другое» (Александер, 2012, с. 18). Политические системы общества могут реально переживать масштабные деформации, институты могут не работать, правительства не в состоянии обеспечить базовую защиту, но все это может представляться политическими акторами как временные проблемы «победного шествия демократизации» и не рассматриваться в качестве значимых, в то время как вымышленные действия способны наделяться статусом катастрофических или успешных. Сегодняшняя коммуникативная реальность политики полна подобных свидетельств. Чтобы факты обрели коллективную значимость не только для интеллектуалов и элит, а для общества в целом, реальные социально-политические проблемы «должны стать культурными кризисами» (Александер, 2012, с. 17–18).

На ограниченность стратегии позитивистской фактографии указывают и российские исследователи, обосновывающие необходимость более комплексной эпистемологии социокультурных феноменов: «Не нужно рассматривать истину только как результат совпадения с объектом, а заблуждение — только как продукт социальной иллюзии и ангажированности. Истина не бессубъектна, а заблуждение не безобъектно. Знания обоих родов — и истинные, и ошибочные — в равной степени обусловлены комплексом социально-культурных условий и обстоятельств» (Касавин, 2013, с. 15). По нашему мнению, анализ политико-культурной динамики современных политических коммуникаций предполагает выход за рамки доминирующей в исследованиях политической культуры эпистемологической матрицы научного познания социокультурной реальности, оформившейся в Новое время и предполагающей нормативное разделение знаний, верований на два разряда (группы): истинные, научно обоснованные, эмпирически подверженные знания — и заблуждения (мнения) (см. об этом: Касавин, 2013, с. 63–73). В политологических исследованиях статусом заблуждений наделяют идеологические и разнообразные мифоконструкции, мнения и верования, в которых политика репрезентируется как нечто непредсказуемое, вариативное и «переинтерпретируемое».

В рамках позитивистских стратегий исследования политической культуры только первый род знаний, постигаемый хранителями подлинного научного знания «о мире политических идей», ассоциируется с объективным, рациональным и эмпирически верифицируемым типом познания политико-культурных феноменов, второй же — с иррациональным, бессознательным, субъективным и манипулятивным, пропагандистским, свидетельствующим о низком уровне политической и научной культуры общества. В центре позитивистски ориентированной группы эпистемологических посылок находится познавательная активность индивидуального субъекта и соответствующая трактовка природы политики и политической культуры. Для второй группы важнее коллективная природа знания и его действенность («драматургия»), динамичность в процессе разрушения или достижения политической солидарности.

Снятие этой дихотомии истинного «фактологического знания» (независимо от материалистических или идеалистических версий того, что можно считать фактом) и «ложности верований» начинает проследиваться в рамках социологии знания и социально-конструктивистских моделей множественности социальных универсумов, где позитивным знанием стали считать все то, что функционирует как знание в практике легитимации социального порядка и «обуздания» / «воспроизводства» «ада социального». Нетрудно обнаружить теоретическую близость второго подхода политической эпистемологии Б. Латура.

Развитие второй опции в наблюдении политической культуры, по нашему мнению, наиболее комплексно исследованию специфики политической культуры современных обществ, в отличие от более традиционных теоретических моделей политической культуры, описывающих культурный процесс с позиций «рационального гражданина» и либерально-демократических ценностных ориентаций, упрощающих процесс нарастающей фрагментации политико-культурного пространства. В этом отношении дискурс политико-культурных

исследований, опирающихся на эпистемологические посылки современной «культурсоциологии», представители которых подчеркивают перспективность понимания культуры как сетей смысла и исторической формы социальной памяти, выступает преодолением «онтологической дуальности» в исследованиях политической культуры. Приоритетной методологией исследования политико-культурной реальности становится когнитивный анализ символических структур сетей смыслов, в отличие от исследовательских программ, где описание культурных феноменов редуцируется к ценностям, нормам, идеологиям, производным от структур формальных институтов или поведенческих моделей в рамках теорий рационального выбора. Таким образом, теоретические акценты, расставленные Дж. Александером по поводу методологических возможностей «сильной программы» политико-культурных исследований, представляются весьма актуальными для исследований политической культуры в современной политической науке. С этих позиций многие существующие программы изучения политической культуры следует признать «слабыми» и редукционистскими.

Культурсоциология отчетливо демонстрирует объединяющее эпистемологическое начало по отношению ко многим направлениям политико-культурных исследований. Так, теоретико-методологические посылки социологического неоинституционализма, развивающего социологическую традицию, идущую от Э. Дюркгейма, также ориентируют на описание социальных институтов как культурно-нормативных, когнитивных структур, влияющих на оформление идентичности многообразных движений и организаций (коллективных акторов), включая в этот процесс рационализированные мифологии и ритуальности. В связи с подобными теоретическими моделями институционализации представители социологического институционализма рассматривают «легитимность» центральным концептом описания активности организаций как коллективных акторов (см., напр.: Meyer, 2008; Deephouse, Suchman, 2008). Политическую легитимацию в этом контексте можно описывать с позиций поведенческих ожиданий или конструктивистских обоснований символического универсума как важную коммуникативную составляющую институциональной динамики, обеспечивающую *возможные альтернативы* социальной эволюции политических организаций, посредством «оповседневнивания» (рутинизации) организационных норм и правил как предпосылки политической устойчивости и активности организаций в динамичном политико-культурном пространстве. Особенно созвучна своей эпистемологией программа «культурсоциологии» тем авторам, которые разрабатывают проблематику «понимания» в социальных и политических коммуникациях.

Политическая память как темпоральное оформление политических коммуникаций. Эпистемология культур-социологического анализа политико-культурной реальности ориентирует на исследование политической культуры как исторической формы «социальной памяти», проявляющейся в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» (Луман, 2005b, с. 104). Социальная память при этом выступает не столько хранилищем воспоминаний о прошлом или идеологических интерпретаций прошлого в на-

стоящем, сколько пространством семантического «свертывания» представлений о прошлом в символические фигуры, которые стимулируют возникновение «обосновывающих воспоминаний», что позволяет распознавать новые ситуации, воспринимать их как повторение некой прошлой ситуации. Полагаем, что в такой опции исследования политической культуры на первый план выходит изучение практик символизации политического пространства и времени, ориентирующих политических акторов на антропологические модели политической солидарности и когнитивные схемы политической повседневности, тесно связанные с базовыми, часто мифическими в своих основаниях, способами кодирования и идентификации национальной памяти. Динамика подобных «предположений» предстает как многослойный процесс социального конструирования и комплекса средств символического производства власти политическими акторами, который порождает сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия.

Исследование символизации пространственно-временных измерений политической памяти представляется весьма насущной задачей при описании специфики политической культуры и особенностей конструирования политической идентичности. Социология временных и пространственных границ идентичности и проводимой коллективными акторами политики идентичности предполагает учет специфики сложной взаимосвязи символизации пространства и времени политических общностей. Социология пространства связана с «социологией тела», именно анализ взаимодействия с «телами» других позволяет выявить ограничения на исполняемые социальные роли, иерархии статусных позиций и актуализирует проблему социального контроля размещенных в малых и больших пространствах («территориях») «тел», социальных акторов (организаций) посредством авторитарного силового воздействия на их движение и коммуникации. В то же время социология времени есть преимущественно социология смысла, смысловых образцов «ожиданий», поскольку идеальное «не телесно» (Филиппов, 2014, с. 150–159). Очевидно, что подобные социологические измерения взаимосвязаны, могут противоречиво накладываться друг на друга, поскольку пространство как вместилище, особенно если речь идет о больших территориях, неизбежно обретает смысловую, коммуникативную тематизацию (отличную от видимого, «реального» пространства), и, наоборот, смысл выражается через телесные носители.

На значимость подобного способа рассмотрения политико-культурных феноменов обращают внимание исследователи культурной памяти и политики памяти. Так, Алейда Ассман использует понятие «временной режим культуры», обозначающее «темпоральную организацию и ориентацию, укорененных в культуре» когнитивных схем коллективных взаимодействий. Специфику временного режима Нового времени, для которого характерно структурирование событий из «настоящего», она характеризует как «время разрыва», «фиктивное новое начало», «творческое разрушение», «возникновение понятия «исторического», «ускорение» (Ассман, 2017). Политическая же память в ее трактовке играет особую роль, структурируя общую память сообщества и общее забвение, превращая «ментальные образы в иконы, превращая нарративы в политические

мифы, важнейшими свойствами которых являются убедительная сила и мощное аффективное воздействие. Подобные мифы отделяют исторический опыт от конкретных условий его формирования, преобразуя его во вневременные повествования, которые передаются от поколения к поколению» (Ассман, 2014, с. 38).

Политическая память — это ожидания предсказуемой политической истории и очевидные символические схемы ее событийного маркирования. Посредством политики памяти, осуществляемой социальными акторами, происходит структурирование смысловых (временных, предметных и социальных) горизонтов, что и ведет к оформлению новых политических идентичностей, побуждает членов сообществ к коммуникативному согласию (пониманию). Принципиальным в рамках подобной стратегии исследования динамики «программ политического опыта» является изучение базовых культур-антропологических моделей форм политической солидарности, определяющих этнополитическую специфику политических культур. По нашему мнению, анализ форм политической солидарности возможен на основе *grid-group*-анализа, предложенного в свое время М. Дуглас и адаптированного представителями культурной теории к политическим реалиям политики в национальных сообществах (см. об этом: Thompson, 2005). Подобная исследовательская стратегия позволяет выделить модели социальной солидарности на пересечении мировоззренческой и групповой осей, которые могут быть использованы для характеристики своеобразия и влияния этих форм солидарности на восприятие политики и политического, а также дает возможность артикулировать многообразие их комбинаций, определяющих специфику и направленность политики памяти в современных реалиях взаимодействий национальных государств. Символические формы солидарности выступают своего рода интегралом взаимодействий на макроуровне и уровне повседневности.

Измерение по шкалам мировоззренческой сети представлений (*grid*) и групповых предпочтений (*group*), нормативных ограничений, связанных с принадлежностью к культурной общности и конкретной социальной группе, позволяет выявить специфику форм солидарности и их символического потенциала по преодолению рисков и опасностей конфликтной динамики внутренней и внешней среды существования современных политических общностей. Это дает возможность выделить «идеально-типические» модели социальной солидарности на пересечении мировоззренческой и групповой осей, которые могут быть использованы для характеристики своеобразия и влияния этих форм солидарности на социальные взаимодействия, в том числе политические, в которые вступают люди (*индивидуализм, фатализм, иерархизм, эгалитаризм*), и их комбинации. Отсюда следуют четыре базовых мифоконструкции и стратегии достижения целей, связанные с восприятием границ политического, национального суверенитета, демократии: восприятие политики как *рационально-управляемого* и *директивно-управляемого* (политический индивидуализм и иерархизм) и как некой культурной антитезы индивидуализму и иерархизму — признание *непредсказуемости политических коммуникаций* (политический фатализм) и *мировоззренчески диффузная политика эгалитаризма*. Движение

в пространстве этих двух осей измерения и четырех «идеально-типических» конструкций солидарности позволяет артикулировать многообразие их комбинаций, определяющих специфику способов обоснования политических идентичностей в современных реалиях взаимодействий национальных государств. Соответственно, эти формы солидарности отличаются способами интерпретации смысла политического и способами легитимации политического порядка, стратегиями реализации политическими элитами внутренней и внешней политики, режимами политического времени, стратегиями реализации политического суверенитета и степени нормативных ограничений, которые признают члены солидарных сообществ.

Таким образом, методологический переход от анализа политической культуры как зависимой переменной к разработке «сильной программы» ее коммуникативной автономии и специфики позволяет сконцентрировать внимание на изучении пространственно-темпоральных структур ожиданий политической памяти, где специфика (конфигурация) пространственной и временной символизации публичного принуждения определяет социальное конструирование политических событий и форм солидарности. Эта познавательная установка ориентирует на анализ политической культуры как символических структур («сетей смыслов»), укоренных не только в ценностных ориентациях, но и в повседневных символических практиках, играющих существенную роль в «драматическом» конструировании политической идентичности.

Символические фигуры и практики политической памяти. Изучение политической культуры как политической памяти в контексте заявленной эпистемологии трансформируется в исследование «культурной прагматики» и «социального перформанса» политических коммуникаций, «драматургии власти», описывающих многослойный процесс социального конструирования комплекса средств символического производства социальной власти, сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия. При этом и индивидуализированные общества с рационализированными институтами демократического участия нуждаются в мифоритуальных практиках для поддержания устойчивости национальной идентичности. Социальный перформанс можно представить как многослойный процесс социального конструирования и комплекс средств символического производства социальной власти, который порождает сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия (Alexander, 2006b; 2012).

Важной предметной областью исследования работы политической памяти становится изучение специфики действенности ее «фигураций» как меняющихся отношений между прошлым и настоящим, обусловленных взаимосвязью процесса символической борьбы «памятей» в политическом поле и спецификой средств их передачи, жанров и профилей. Политическая культура понимается как процесс производства идентичностей, интересов и значений во времени, а не как статическое их выражение (Олик, 2012; Olick, 2016, p. 36–76). Выявление потенциала действенности подобных символических фигур (героя, жертвы, преступника и т. п.) позволяет перевести влияние политической памяти на конструирование национальных идентичностей в плоскость конкретного анализа.

Важным измерением процесса эволюции социальной памяти и ее символического компонента, как уже отмечалось, следует считать выявление роли и социокультурной специфики структур и символических практик повседневного знания. Повседневность выступает своего рода «плавильным тиглем» («воплощенным знанием»), особым типом знания, обеспечивающим связь «сакральной» (высокой, официальной, элитарной) культуры и «профанного» знания и практик, которые в современном обществе приобретают форму массовой культуры и «усредненного общественного мнения» (Вальденфельс, 1991; 1999). Повседневность не следует понимать только «календарно», как реестр простых и очевидных для всех типизаций, возникающих в процессе «повторений»; ее нужно осмысливать в конкретно-исторических терминах комплексных форм социальной идентичности, включающих компоненты рационализации как «вещного», так и «воображаемого». Повседневность — это место, где «загадка повторения переходит в теорию становления», поскольку настоящее никогда целиком не может быть «деисторифицировано» в повседневности и постоянно требует «продолжения», «реисторизации» повседневности (Osborne, 1995, p. 18, 161, 189, 194). Особенность повседневного знания в том, что оно объективируется, интериоризируется посредством специфических форм сигнификации и символизации (Бергер, Лукман, 1995).

Семантическим механизмом подобного процесса выступает мифический нарратив как коммуникативное средство связи практик фонового повседневного знания и категоризации коллективных представлений, когда символы и более абстрактные обоснования прошлого, настоящего и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия социальной действительности посредством символизации событий героического и жертвенного. Политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности, являются важным и необходимым звеном как традиционных, так и современных политических коммуникаций в рамках политической памяти. Политический миф вписывает эпизоды повседневной деятельности людей в нарратив драмы коллективного существования. В основе мифической символизации политики лежат «симбиотические символы», выражающие связь политических действий с телесностью, телесно-чувственной осязаемостью и действенностью власти посредством многообразных фигур («героического»). Поэтому политический миф всегда не только объяснение, но и практический аргумент. Миф может драматически обосновывать историю существующих политических обществ, отсылая к прошлому, воспринимаясь как традиция, но он может сакрализировать политические взаимодействия через настоящее или через отсылку к будущему, превращаясь в источник социальных трансформаций.

В реалиях современных политических коммуникаций растет значимость национальной политической памяти по продуцированию и поддержанию символических «фигураций» повседневности, адекватных ее семантической траектории. В условиях быстро меняющихся отношений между прошлым и настоящим мифологизация повседневности власти — неотъемлемая составляющая современных политических коммуникаций (Bottici, 2007, p. 19, 243–248, 259–260,

358), порождающая многообразие политических мифов (новые «религиозные политические мифы», «научные политические мифы», «исторические политические мифы») и их бренды.

Перспективным представляется видение специфики современной политической повседневности в ее коммуникативной прагматике, производящей «события» и связанной со спецификой мифической символизации их самоидентификации в различных территориальных пространствах и режимах времени. Символизация повседневности приобретает особое значение в реалиях современных технологий господства, легитимируемых либеральными мифами о глобализации и денационализации, рационализации и «массовизации» пространства повседневности. В действительности публичная легитимация индивидуальных свобод и организаций гражданского общества в современных западных медиа, пропаганда суверенности и конкурентности «рациональных граждан» не только не отменяют процессов политического доминирования, но и актуализируют установку политических элит на контроль за «менее способными» и «успешными» в распоряжении своей свободой на уровне повседневности. Доминирующие ныне формы универсализации коммуникаций («глобализация») ведут к тому, что локальность, основой которой являются структуры повседневности, в отличие от прошлых времен, становится все менее естественной и все более сконструированной. Повседневное все чаще выступает не порождением жизненных состояний или переживаний коллективных субъектов, а «фабрикацией самоочевидного и близкого через локализацию неизвестного и далекого» (Филиппов, 2015, с. 144).

Легитимация «глобальными», «бездомными» и асинхронными политическими элитами своего доминирования принципиально меняет динамику символических форм повседневности, которые на национальном уровне все более утрачивают функцию стабилизации и отбора, «оповседневнивания» жизненно необходимых новаций. «Децентрализация» («дисперсия») права на суверенность в современных политических практиках («биополитический разброс суверенитета») вызывает к жизни все более изощренные формы контроля, «государственной опеки» и «дисциплинирования» повседневности (Nadesan, 2008, р. 17, 57, 186), что ведет к актуализации мифопрактик власти в пространстве повседневности. Повсеместно можно наблюдать тотальную политизацию повседневности и использование повседневных репрезентаций массового общества для политической самолегитимации новых социальных элит. Перманентное обновление представлений акторов о способах символического конструирования политического прошлого и умножение их самих в виде дисперсных общностей ведут к продуцированию мифического контента в виде динамики многообразных региональных и национальных брендов. Успешный в процессе групповой идентификации бренд как репутационно-имиджевый концепт «всегда содержит волшебную историю и выступает в качестве магического артефакта», обладание которым способно реализовать ожидания, что превращает его в социальный миф, средством осмысления и ориентации в группе (Тулчинский, 2013, с. 12, 37). Современные бренды, широко используемые в символических репрезентациях современных политических элит, наряду с сугубо прагмати-

ческими функциями, часто выполняют роль социального мифа, а брендинг — роль мифотворчества новой повседневности.

Символизация политической солидарности как культурного интеграла политических взаимодействий на уровне повседневности осуществляется на основе *мифической символизации*. В реалиях современных сетевых взаимодействий на первый план часто выходят коммуникативные практики мифологизации политической повседневности, связанные со спецификой презентации «политической телесности», эмоционально-чувственного восприятия политики в рамках тех или иных представлений о солидарном существовании, что выступает важным измерением и семантическим катализатором политических коммуникаций. Солидарное принятие решений о том, какие политические факты считать значимыми или не значимыми, какие мифы о демократии признавать очевидными, — неотъемлемый атрибут современных политических практик.

Заключение. Обозначенные эпистемологические основания концептуализации феномена политической культуры, по нашему мнению, позволяют не только более отчетливо выявить коммуникативную специфику ее пространственной и темпоральной динамики, но и последовательно артикулировать эпистемологическое значение концепта «политическая культура». Если этот концепт в традиционном политологическом дискурсе политической науки позволял наблюдать и операционализировать эмпирически динамику идеального в политических коммуникациях (политические ценности, идеалы, нормы) с позиций рационального гражданина, то концептуализация идеального в политических коммуникациях посредством понятия «политическая память» позволяет отвечать на вопросы, как и каким образом идеальное имеет значение для прагматики политического существования. *Политическая культура, интерпретируемая как политическая память, предстает семантическим программированием политического опыта и взаимосвязанным комплексом взаимных ожиданий, способов и схем включения индивидов в политические сообщества (или их исключения из таких сообществ) посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени. Ведущим коммуникативным функционалом политической культуры являются легитимация и делегитимация практик власти в процессе оформления или разрушения солидарного существования на социетальном уровне.*

Знания в символических горизонтах политической памяти общества, структурированные в политические ожидания, выступают порождающими моделями событий политической солидарности (событийные модели политической ответственности и взаимности), обеспечивающими синхронизацию/десинхронизацию политической памяти (личностной, корпоративной) и национальной и превращающими решения политических акторов в публичную политику. В основе событийных рядов национальной политической памяти находятся события, символизирующие практики контроля за принуждением в процессе принятия «общеобязывающих» решений, дополняющие рациональные и идеологические схемы обоснования прошлого и будущего посредством символизации телесно-чувственного восприятия героического и жертвенного.

Важное звено подобного процесса — легитимация политических практик посредством исторических нарративов, в своей основе мифических, как семантического средства связи в условиях эклектики идеологических обоснований и фонового повседневного знания о политике. В современных коммуникациях, когда в социальном конструировании политических событий и символических параметров политической солидарности участвует множество акторов, постоянно растет роль практик политической мифологизации, связанных с «телесно-чувственной» и эмоциональной презентацией политического. В современном цифровом обществе, весьма рационализированном и технологичном при первом приближении, политические движения и сопровождающие их когнитивные процессы все чаще обращаются к капиталу эмоционально-чувственных презентаций.

В условиях растущей социальной мобильности политических сетей все более проблемными становятся поддержание пространственно-временных границ национальных общностей и баланс темпоральных режимов политической идентификации. Динамика современного политико-культурного процесса стимулирует появление все новых маргинальных политических хронотопов и конфронтацию идентификационных символических кодов политических сообществ. Преодоление тенденции на деконструкцию и переструктурирование форм политической повседневности в результате символической экспансии символов «индивидуалистической» политической солидарности, продуцируемых современными центрами глобализации, более чем актуально для современной России, стоящей перед вызовами разрушения этнополитической целостности и поиска символических доминант национальной политической памяти для эффективного политического позиционирования в реалиях растущей конфликтности сетей глобализации.

Литература

- Александр Д.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
- Александр Д. С.* Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 1. С. 62–72.
- Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 334 с.
- Бурдые П.* Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
- Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. 176 с.
- Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
- Гуторов В. А.* К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 91–110.
- Дука А. В.* Политическая культура — поиски теоретических оснований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2, № 1. С. 7–30.
- Завершинский К. Ф.* Политическая культура общества: от «зависимых переменных» к «сильной программе» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 1. С. 30–39.

Завершинский К. Ф. Политическая культура versus политическая память: морфология дискурса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11, № 2. С. 5–19.

Завершинский К. Ф. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 4. С. 4–18.

Ильин М. В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Полития. 2014. № 4 (75). С. 158–170.

Ильин М. В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. 2015. № 1 (76). С. 82–102.

Ильин М. В. Что способно объединить нас? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 1. С. 7–16.

Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.

Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005а. 256 с.

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005б. 256 с.

Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–75.

Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Фак-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. 280 с.

Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыт, перспективы. Т. I. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 138–171.

Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыт, перспективы. Т. 2 / под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. 470 с.

Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. New York: Oxford University Press, 2005. 312 p.

Alexander J. C. The Civil Sphere. New York: Oxford University Press, 2006a. 816 p.

Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance // Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006b. P. 29–89.

Alexander J. C. Clifford Geertz and the Strong Program: The Human Sciences and Cultural Sociology // Cultural Sociology. Los Angeles; London, 2008. Vol. 2(2). P. 157–168.

Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic // Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life. New York: Palgrave Macmillan, 2012. P. 25–39.

Bottici C. A. Philosophy of Political Myth. New York: Cambridge University Press, 2007. 286 p.

Deephouse D. L., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism // The SAGE handbook of organizational institutionalism / eds R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London: SAGE, 2008. P. 49–77.

Meyer J. W. Reflections on Institutional Theories of Organizations // The SAGE handbook of organizational institutionalism / eds R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London: SAGE, 2008. P. 788–809.

Nadesan M. Governmentality, biopower, and everyday life. New York: Routledge, 2008. 247 p.

Osborne P. The politics of time: modernity & avant-garde. London; New York: Verso, 1995. 272 p.

Olick J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2016. 517p.

Thompson M. Cultural theory as political science // Cultural theory as political science / eds M. Thompson, G. Grendstad, P. Selle. London; New York: Routledge, 2005. P. 1–22.

Welch S. *The Theory of Political Culture*. Oxford University Press, 2013. 288 p.

Wiarda J. H. *Political culture, political science, and identity politics: an uneasy alliance*. Farnham: Ashgate, 2014. 204 p.

Завершинский Константин Федорович — д-р полит. наук, проф.; zavershinskiy200@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 1 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: *Завершинский К. Ф.* Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1. С. 88–107. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.107>

POLITICAL CULTURE AS SYMBOLIC “REBUILDING” OF THE POLITICAL

Konstantin F. Zavershinskiy

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; zavershinskiy200@mail.ru

The article discusses the significance of the epistemology of the study of political culture. The author believes that the dominance of positivist research strategies in the studies of the political and cultural dynamics of society only partially reflect the qualitative changes in modern political communications. The disintegration of the contemporary political orders into a varied range of national communities, political ideologies, and structures of governance has highlighted a necessity to properly theorize anthropological dimensions of political culture. According to the author, the research strategies of cultural sociology, which interpret political culture from the standpoint of the dynamics of symbolization of meaning structures, are more promising. In this case, political culture appears as a semantic programming of the collective political experience through the symbolic classification of political events through space and time. If the concept of political culture in the traditional discourse of political science made possible to observe the dynamics of the ideal in political communications from the standpoint of a rational citizen, then an analysis of the ideal in politics through the concept of political memory allows answering questions how and why “the ideal” is important for political pragmatism. The study of the specifics of basic culture-anthropological forms of political solidarity is relevant for this strategy of studying political culture. The study of the symbolization of space-time dimensions of political memory allows us to more adequately reflect the dynamics of modern political communications. An important avenue for the study of the political memory of modern societies is the study of the practices of symbolizing the political everyday life, in which the political myth and political branding play a decisive role. The author emphasizes the importance of the description and theoretical analysis of the role of symbolic figures of political memory and symbolic practices of their symbolization. Using the theory and methodology of cultural sociological analysis of political culture as an epistemological basis, the author proposes a new theoretical approach to the study of political culture.

Keywords: political culture, epistemology of political culture, cultural sociology, political memory, symbolic figuration, symbolic practices, political mythologization.

References

Alexander J. C. *The Civil Sphere*. New York: Oxford University Press, 2006a. 816 p.

Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy *Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*, eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006b, pp. 29–89.

Alexander J. C. Clifford Geertz and the Strong Program: The Human Sciences and Cultural Sociology. *Cultural Sociology*. Los Angeles; London, 2008, vol. 2 (2), pp. 157–168.

Aleksander D.S. Demokraticheskaia bor'ba za vlast': prezidentskaia kampaniia v SShA 2008 goda [The democratic struggle for power: the presidential campaign in the United States in 2008]. *Vestnik MGIMO — Universiteta*, 2009, no. 1, pp. 62–72. (In Russian)

Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic. *Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life*. New York, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 25–39.

Aleksander D. Kul'turnaia travma i kollektivnaia identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2012, no. 3, pp. 6–40. (In Russian)

Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaja politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow, New Literary Review Publ., 2014. 328 p. (In Russian)

Assman A. *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the connection of times broken? The Rise and Fall of the Temporal Regime of Modernity]. Moscow, New Literary Review Publ., 2017. 272 p. (In Russian)

Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social Construction of Reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 334 p. (In Russian)

Burd'je P. *Nachala. Choses dites* [Start. Choses dites]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994. 288 p. (In Russian)

Bottici C. A. *Philosophy of Political Myth*. New York, Cambridge University Press, 2007. 286 p.

Deephouse D. L., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism. *The SAGE handbook of organizational institutionalism*, eds R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London, SAGE, 2008, pp. 49–77.

Duka A.V. Politicheskaja kul'tura — poiski teoreticheskikh osnovanii [Political culture — the search for theoretical foundations]. *Political Expertise: POLITEX*, 2006, vol. 2, no 1, pp. 7–30. (In Russian)

Filippov A. F. Elementarnaia sotsiologija prostranstva [Elementary sociology of space]. Filippov A. F. *Sociologia: nabludeniia, opyt, perspektivy* [Sociologia: observations, experience, perspectives]. Vol. 1. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014, pp. 138–171. (In Russian)

Filippov A. F. *Sociologia: nabludeniia, opyty, perspektivy* [Sociologia: observations, experience, perspectives]. Vol. 2. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2015. 470 p. (In Russian)

Kasavin I. T. *Sotsial'naia epistemologija. Fundamental'nye i prikladnye problemy* [Social epistemology. Fundamental and applied problems]. Moscow, Alpha-M Publ., 2013. 560 p. (In Russian)

Gutorov V. A. K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstva: paradoksy i anomalii sovremennykh interpretatsii [On the question of the origin of the state: the paradoxes and anomalies of modern interpretations of the Policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014, no. 3, pp. 91–110. (In Russian)

Il'in M. V. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (I) [Alternative political forms in historical times and civilizational spaces (I)]. *Politiya*, 2014, no. 4 (75), pp. 158–170. (In Russian)

Il'in M. V. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (II) [Alternative political forms in historical times and civilization spaces (II)]. *Politiya*, 2015, no. 1 (76), pp. 82–102. (In Russian)

Il'in M. V. Chto sposobno objedinit' nas? [What can unite us?]. *Political expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 7–16 (In Russian)

Latur B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [New Time was not. Essay on symmetric anthropology], ed. by O. V. Kharkhordin. St. Petersburg, Publishing House of Europe University in St. Petersburg, 2006. 240 p. (In Russian)

Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriyu* [Rebuilding the social: an introduction to the actor-network theory], ed. by S. Gavrilenko. Moscow, Publ. House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (In Russian)

Latur B. *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [Rebuilding the social: an introduction to the actor-network theory]. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 336 p. (In Russian)

Luman N. *Evolutsiia* [Evolution]. Moscow, Logos Publ., 2005a. 256 p. (In Russian)

- Luman N. *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Moscow, Praxis Publ., 2005b. 256 p. (In Russian)
- Meyer J.W. Reflections on Institutional Theories of Organizations. *The SAGE handbook of organizational institutionalism*, eds R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London, SAGE, 2008, pp. 788–809.
- Nadesan M. *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York, Routledge, 2008. 247 p.
- Olik D. Figuratsii pamiati: protsess-reliatsonnaia metodologiya, illiustriruemaia na primere Germanii [Memory Figures: Process-Relational Methodology, Illustrated on the Example of Germany]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 40–75. (In Russian)
- Olick J.K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 2016. 517 p.
- Osborne P. *The politics of time: modernity & avant-garde*. London, New York, Verso, 1995.
- Thompson M. Cultural theory as political science. *Cultural theory as political science*, eds M. Thompson, G. Grendstad, P. Selle. London, New York, Routledge, 2005, pp. 1–22.
- Tul'chinskii G. L. *Total Branding: mifodizain postinformatsionnogo obshchestva. Brendy i ikh rol' v sovremennom biznese i kul'ture* [Total Branding: The Mytodesign of the Post-Information Society. Brands and their role in modern business and culture]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University Publ., 2013. 280 p. (In Russian)
- Val'denfel's B. *Motiv chuzhogo* [The motive of the stranger]. Minsk, Propilei Publ., 1999. 176 p. (In Russian)
- Val'denfel's B. Povsednevnost' kak pravil'nyi tigl' ratsional'nosti [Everyday Life as a Melting Crucible of Rationality]. *SOCIO-LOGOS*. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 39–50. (In Russian)
- Welch S. *The Theory of Political Culture*. Oxford University Press, 2013. 288 p.
- Wiarda J. H. *Political culture, political science, and identity politics: an uneasy alliance*. Farnham, Ashgate, 2014. 204 p.
- Zavershinskii K. F. Politicheskaya kul'tura obshchestva: ot "zavisimykh peremennykh" k "sil'noi programme" [The political culture of society: from "dependent variables" to a "strong program"]. *Political Expertise: POLITEX*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 30–39. (In Russian)
- Zavershinskii K. F. Politicheskaya kul'tura versus politicheskaya pamiat': morfologiya diskursa [Political culture versus political memory: the morphology of discourse]. *Political Expertise: POLITEX*, 2015, vol. 11, no. 2, pp. 5–19. (In Russian)
- Zavershinskii K. F. Legitimatsiya politicheskoi vlasti: morfologiya nauchnogo diskursa [Legitimation of political power: the morphology of scientific discours]. *Political Expertise: POLITEX*, 2016, vol. 12, no. 4, pp. 4–18. (In Russian)

Received: December 1, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Zavershinskiy K. F. Political Culture as Symbolic "Rebuilding" of the Political. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 88–107.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.107> (In Russian)